Темушев, В.Н. Проблема реконструкции московско-литовской границы в XV в. / В.Н. Темушев // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 208-224.

В.Н. Темушев

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЫ В XV в.

Представление о пограничном характере р. Угры стало хрестоматийным и, подкрепленное достоверностью источников и серьезностью исследований, до недавнего времени редко подвергалось сомнению. Тем не менее повторный анализ пограничной ситуации в Поугорье позволяет по-новому взглянуть на данную проблему и в определенной степе ни пересмотреть привычную картину.

Стратегическое значение Поугорья, как территории, благоприятной для военных вторжений, стало ощущаться еще с середины XII в. Тогда (в 1147 г.) дружественные князю Святославу Всеволодовичу Черниговскому половцы были направлены «на Смольняны, и повоеваша Угры верхъ» [48, с. 40]. Очевидно, нападению была подвергнута приграничная зона Смоленского княжества, которое, как видно, освоило к тому времени еще только верховье р. Угры.

В середине XIV в. район конфронтации в Поугорье проявился более четко. В 1352 г. московский великий князь Семен Иванович с братьями Иваном и Андреем пошел ратью к Смоленску, но у Вышгорода («на Поротве») встретил послов Ольгерда и заключил с ними мир [42, с. 216; 45, стб. 60]. Но, не оставляя намерения идти к Смоленску, князь Семен продвинулся с войском еще до р. Угры. Там его уже ожидали смолен-

ские послы. С неделю (или 8 дней) происходило «стояние» на р. Угре, во время которого в Смоленск успели съездить, заключить мир и вернуться московские послы [45, с. 60—61]. После этого Семен возвратился в Москву, войско было распущено [42, с. 216; 46, стб. 33, 127; 47, с. 186; 48, с. 178; 49, с. 115; 50, с. 240, 325]. В итоге Смоленское и Брянское княжества оказались в сфере влияния Владимирского великого княжества, чьим главой был московский князь [60, с. 65].

Обращают на себя внимание, во-первых, место встречи послов ВКЛ — Вышгород на Протве, а во-вторых, район остановки московского войска — берег р. Угры. Видимо, литовские послы подошли к краю московских владений, где и ожидали князя Семена. С другой стороны, и московский великий князь не стал пересекать границу и вторгаться на территорию Смоленского княжества, а остановился у его пределов. Таким образом, на середину XIV в. можно условно выделить пограничную полосу между московскими и смоленскими землями, одну сторону которой составляла р. Протва с пограничным городком Вышгородом, а другую — р. Угра. Характерно, что в 1352 г. московский великий князь шел на Смоленск не напрямую (Москва — Можайск — Вязьма — Дорогобуж — Смоленск), а через Вышгород на Протве и р. Угру. Очевидно, такой маршрут был продиктован какими-то причинами. Вполне вероятно, что в то время наиболее удобная дорога на Смоленск шла именно через р. Угру. Отрицать существование прямой дороги между Москвой и Смоленском, возможно, не следует [57, с. 246], однако представляется преднамеренным ожидание смоленскими послами московского войска в определенном месте у р. Угры. Также и литовские послы направились к Вышгороду, спрогнозировав и упредив действия москвичей.

Во второй половине XIV в. уже не только литовская и смоленская стороны, ожидая нападения на пути через р. Угру, предпринимали со ответствующие упреждающие

действия, но и московская сторона, стремясь обезопасить столицу, высылала войска в юго-западном направлении — в район, близкий к рекам Угра и Ока. Так, в ходе трех «литовщин» 1368, 1370 и 1372 гг. московское пограничье стало ареной боевых действий. В первый раз силы великого князя литовского Ольгерда были направлены через р. Угру [54, с. 255, карта], волость Холхол, город Оболенск на дорогу к Москве (Оболенскую) [44, с. 11; 45, стб. 429]. В «другую литовщину» было выбрано направление нападения через Тверское княжество, однако в Москве, видимо, снова ожидали противника с юга и, в связи с этим, собирали войска в Перемышле (на р. Моче) [45,

209

стб. 94]. И наконец, во время третьего похода Ольгерда московские и литовские войска встретились у Любутска на р. Оке [44, с. 19; 45, стб. 433] — маршрут движения Ольгерда был предугадан, и его действия пресечены. Следует заметить, что г. Любутск играл особую роль в пла нах военного руководства ВКЛ. Именно там неоднократно концентрировались литовские войска, и оттуда начинались боевые действия (1372, 1396, 1402 гг.). Вероятно, Любутск в качестве эксклава с середины XIV в. принадлежал ВКЛ [63, с. 160]. Таким образом, наряду с Поугорьем для Москвы появился еще один опасный участок границы — на Оке в районе Любутска. Возможно, в начале XV в. угроза со стороны Любутска была ликвидирована — этот город ненадолго даже стал московским владением [20, № 17, с. 47; 14, с. 150—152]. В то же время стратегическое положение Угры только возросло.

В ходе начавшейся московско-литовской войны («нестроения») в сентябре 1406 г. войска Витовта и Василия I встречались еще далеко от Угры, на р. Плаве и Пашковой гати (Плава — левый приток р. Упы, впадающей справа в Оку). Было заключено перемирие «до того же году» или, точнее, до «Съшествия Святаго Духа (16 мая 1407 г.) [44, с. 194; 45, стб. 475]. В 1407 г. на Спасов день [44, с. 202; 47, с. 225; 61, с. 46] московский великий князь Василий I, собрав большое войско, пошел ратью на Литовскую землю «и взя град Дмитровецъ и огнемъ пожьже» [48, с. 237; 43, с. 81; 44, с. 202; 51, с. 465]. Согласно Тверской летописи, Василий I послал «князя своа воеводы награди Литовскыя» по двум направлени ям. Возможно, именно у р. Угры московское войско разделилось. Часть его пошла на север к Вязьме, а часть повернула на юг — к Серпейску. Не дойдя до Серпейска, одна часть войска возвратилась [45, стб. 472; 51, с. 461]. Уже у Вязьмы московское войско встретил Витовт. Было заключено перемирие от Рождества Св. Богородицы (8 сентября) до Петрова дня (29 июня) [40, стб. 538; 45, стб. 482]. Сам поход от Москвы до Вязь мы проходил с 16 августа (Третий Спас) до начала сентября [61, с. 47]. Сохранился фрагмент перемирной грамоты Витовта и Василия I с указанием места ее написания — Вязьма и даты — 4 сентября. А. Л. Хорошкевич убедительно доказала, что данный документ относился имен но к описанным событиям, следствием которых и стало его составление [61, с. 46—47].

Имеет смысл заметить, что в ответ на московский поход литовские силы «въступль же глубле въ страну Московскую» взяли Воротынск, посадили наместников в Козельске и воевали до Можайска [45, стб. 472].

210

Обратив внимание на перечисленные пункты, можно предположить, что войска ВКЛ двигались к Можайску от Воротынска и Козельска через низовья Угры, а не пересекали два раза Оку [6, таб. 3].

По словам хроники Быховца, великий князь литовский Витовт с войском пошел против Василия I в ответ на погром московскими мужиками под Путивлем и на Тихой Сосне севруков (жителей Северщины), «y mnoho poцoh y powoiewai i poplenii okoio reki

Uhry y Oki» [46, стб. 519]. Ареной боевых действий вновь стал район р. Угры, вернее, его левобережье вплоть до р. Оки. По просьбе Василия I Витовт приехал к реке Угре «…y pośle mnohich rozmow meży soboiu mir wczynili, y hranicu zemlam swoim po Uhru reku położyli … mir i pokoy weczny wczyniwszy, y hranicu po Uhru reku położywszy, rozjechalisia so wsimi ludmi swoimi rozno» [46, стб. 520]. Происходили описанные события в 1408 г. Тогда (1 сен тября) Василий I, собрав войско, выступил против Витовта «и пришед ста у Угры на березе, а Витовтъ тако же со многою силою приидесъ другую сторону рекы тоя … и сташа межи собою о реце Угре и стоявшее немного днии и взяша миръ межи себе по давному» [48, с. 238; 43, с. 82; 49, с. 175; 51, с. 468]. Согласно вставке в Тверской летописи: «И стоаша Литва съ Москвичи на Угре 12 дни, и умиришася сентебра въ 14» [45, стб. 474]. Кроме того, в другом месте тверской летописец сделал существенное дополнение: «Того же лета прииде зловерний Витовть на усть рекы Угры съ силою Литовскою, и Немецкою, и Лядцкою» [45, стб. 482]. Очевидно, войско Витовта приближалось к переправе в устье р. Угры, через которую шла дорога на Москву и к которой подошло также московское войско.

В событиях 1408 г. ярко проявился пограничный характер р. Угры, у берегов которой уже не в первый раз происходило «стояние» войск двух противников. Ряд прямых или косвенных указаний как будто определенно свидетельствует о том, что московско-литовская граница проходила и даже была утверждена вдоль р. Угры. Замечание С. Герберштей на о том, что «эта река некогда отделяла Литву от Московии» [10, с. 323], также служит подтверждением данной информации. В итоге представляется вполне обоснованной реконструкция границы, предложенная Я. Натансоном-Леским. Исследователь провел границу ВКЛ при Витовте через верховья рек Москвы и Протвы на юг в сторону на 1—2 мили от р. Вори, включая ее приток р. Могиленку, и ниже устья р. Вори — зигзагом вдоль р. Угры [69, s. 38].

Однако устоявшееся представление о р. Угре, как о вековой границе между Великими княжествами Московским и Литовским, может быть

оспорено [56]. Существуют многочисленные свидетельства о принадлежности ВКЛ значительной территории в левобережье р. Угры. До середины XIV в. междуречье Угры и Протвы представляло собой территорию, едва затронутую хозяйственной деятельностью человека [11, с. 143; 13, с. 504—505; 52, с. 47; 62, с. 11; 65, с. 7, 64, 86]. Тем не менее лесные и заболоченные места с характерными, проявившимися позже, названиями Медынь, Калуга [18, с. 79], Сосновец уже в XII в. номинально принадлежали Черниговскому княжеству [66, s. 40]. После монгольского нашествия в конце XIII в. пространство между Угрой и Протвой частично было перераспределено между Смоленском и Рязанью. Тогда район до р. Шани (левый приток Угры) и за ней (с местом упомянутой значительно позже Медыни) стал смоленским, а почти все течение р. Протвы с ее притоками — рязанским [15, с. 81; 17, с. 181; 23, с. 204; 24, с. 145]. Реликтом владений черниговских князей сохранялась волость Заберега, располагавшаяся в самом верховье р. Протвы. Территория, ограниченная притоком Шани р. Суходревом и нижним течением Угры — с северо-запада и запада, р. Окой — с юга и нижним течением Протвы — с востока, оставалась за выделившимися из состава Черниговского Верховскими княжествами (Новосильским и Тарусским) [32, с. 50—51].

Условный характер владения слабо освоенными землями для Рязани — за р. Окой, а для Смоленска — за р. Угрой явился одной из причин нарастания преобладания в этом регионе Великого княжества Московского. Геополитически рассматриваемая территория, безусловно, испытывала большее притяжение к Москве, чем к таким отдаленным цент рам, как Рязань и Смоленск. В этой связи характерен обмен территориями, утвержденный между Москвой и Рязанью в 1381 г. [21, с. 286, 322; 30, с. 245—249]. Первая приобрела

земли на левой («Московской») стороне Оки, а второй достались московские владения («что доселе по тягло къ Москве»), оказавшиеся в правобережье Оки (на «Рязанской» стороне) [20, № 10, с. 29].

Итак, во второй половине XIV в. территория между реками Угрой и Протвой активно заполнялась московскими владениями. До конца 40х — начала 50х гг. XIV в. князь Семен приобрел «оу Семена оу Новосильского» волость Заберегу [20, № 2, с. 12; 14, с. 150], находившуюся в районе верхнего притока р. Протвы — Береги [12, с. 70; 16, с. 554; 35, с. 56, 58]. Между 1353—1359 гг. Москва завладела так называемыми «местами рязанскими», распространявшимися по р. Протве и ее правым притокам (прежде всего Луже) [20, № 4, с. 15, 18; 14, с. 150; 53,

с. 89—92; 55, с. 18—21]. Значительная часть бывших «мест рязанских» была передана в удел князю Владимиру Андреевичу [20, № 11, с. 31], и после этого началось их активное освоение. Лужа и Боровск превратились в города с «тянущими» к ним волостями [20, № 17, с. 47]. Новые волости и слободы заполнили пространство с левой стороны р. Лужи от верховья до ее изгиба на север (Сосновец, Ловышина, Турьи Горы, Бу бол), а после и с правой стороны (Вепрейка) [2, № 257, с. 185—187; 19, с. 13—14; 16, с. 550; 36, с. 56]. Также и к югу от г. Лужа появились волости Маковец и Сетунка [19, с. 14; 36, с. 56]. Последние были наиболее удалены к югу из всех московских владений, но не достигали р. Угры. Лишь присоединение до 1371 г. Калуги и Рощи [20, № 12, с. 34; 14, с. 150], возможно, открывало Москве доступ к самому низовью р. Угры [53, с. 95]. Волость Калуга занимала, очевидно, пространство вокруг р. Калужки (левый приток Оки), а Роща была расположена в среднем течении р. Тарусы, вокруг ее левого притока Рощи [19, с. 22—23]. Между Калугой и Рощей, территориально далеко отстоявших друг от друга, к началу XV в. появился Лисин — волость в верхнем течении р. Тарусы [19, с. 2; 36, с. 50]. Кроме того, до начала XV в. московский (бывший брянский) боярин Александр Пересвет купил довольно значительную часть тарусских владений вдоль берега реки Оки к западу от Алексина, названных «Пересветовой куплей» [20, № 16, с. 43; 29, с. 20—21]. В итоге московские владения с нескольких сторон обступили территорию Тарусского княжества. Наконец, в 1393 г. московский великий князь Василий I купил в Орде у Тохтамыша ярлык на г. Тарусу, приобретя верховную власть над тарусскими князьями, некоторые из которых продолжили владеть своими землями, а другие перешли на службу к Витовту [41, с. 245; 58, с. 35—36, 38; 59, с. 117; 64, с. 37]. В окружении московских владений оказались также вотчины Оболенских князей [2, №504, с. 382—383, 627; № 607, с. 505, 632; № 608, с. 515; № 609, с. 518; № 610, с. 519; № 681, с. 543; 3, с. 129]. Последние утратили статус независимых правителей и поступили на службу к великому князю московскому [27, с. 59; 28, с. 42].

Кроме того, около 1371 г. Москва приобрела Медынь [20, № 12, с. 34; 31, с. 143]. Ее «вытягал боярин… Федоръ Аньдреевич [Свибло. — В. Т.] на обчем рете… оу смолнян» [20, № 12, с. 34] (возможно, из состава Вяземского княжества) [14, с. 146]. Наблюдение за территорией, относившейся к Медыни в конце XVI — XVIII в., может быть расценено как одно из доказательств пограничного характера р. Угры в начале XV в. И действительно, если, используя метод ретроспекции, перенести дан-

ные конца XVI в. на ситуацию более раннего времени, добавить фактор присутствия калужских земель у устья р. Угры, то можно обнаружить значительную протяженность московско-литовской границы вдоль этой реки (необходимо учесть тот факт, что в 1403—

1404 гг. Вязьма и Смоленск были присоединены к ВКЛ, и московско-смоленская граница превратилась в московско-литовскую).

В начале 1494 г. в ходе переговоров московские бояре назвали литовским послам 8 волостей, причисленных к медынским: Городечна, Нерожа, Дорожмиря Гора, Кнутова Дуброва, Сковородеск, Гостижа, Белые Вста, Вежки [38, № 24, с. 119, 137]. По писцовому описанию 1586—1587 гг. сохранились Городенский, Вежецкий, Городской, Радомский станы и волость Городня [39, с. 832—852]. Тем самым часть волостей конца XV в. либо слилась с другими, либо перешла к соседним уездным центрам.

Территориальный состав Медынского уезда конца XV в., таким об разом, как будто, в целом, соответствует его состоянию спустя столетие. Однако в переговорном процессе 1494 г. обращает на себя внимание то обстоятельство, что вопреки московским боярам, относившим ряд волостей к числу медынских, литовские послы называли их «смоленскими из старины» и в предварительно представленном списке смоленских пригородов и волостей указали все пункты [38, № 24, с. 118, 119, 137]. Смоленскими литовской стороной считались также волости, объявленные боярами боровскими (Трубна, Путынь) и можайскими (Ту рье, Тешинов, Сукрома, Олховец, Отъезд) [38, № 24, с. 118, 119, 137]. В итоге все спорные территории были уступлены Москве, но оказывается, что они принадлежали ВКЛ до московских захватов, явившихся следствием военных действий 1486—1493 гг.

Из перечисленных волостей определяется местонахождение следу ющих. Вдоль р. Городенки, правого притока Шани, впадающей слева в Угру, располагалась волость Городечна (волость Городня конца XVI в.) [39, с. 849—851]. По речке Нерошке (Нерошенке в XVIII в.) [7; 8], левому притоку Извери, впадающей слева в Угру, лежала Нерожа. Волость Гостижа, несомненно, связана с р. Костижей (Гостижей в XVIII в.) [7], правым притоком Шани. Наконец, в районе р. Вережки (Верешки в XVIII в.) [7], левого притока Угры, находилась волость Вежки (Вежец кий стан конца XVI в.) [39, с. 836]. Севернее истока р. Вережки, уже у противоположного берега другой реки — Извери (левый приток Угры), еще в конце XVIII в. стоял погост Вежки [7], от которого к настоящему времени осталось только урочище. Это, вероятно, был центр волости.

Остальные волости, ставшие в конце XV в. медынскими, пока не удалось локализовать, но и те, чье местоположение с большой степенью достоверности определено, занимают пространство своеобразным треугольником от р. Шани на востоке до р. Угры на юге, тем самым отсекая московские владения конца XIV в. от выхода к р. Угре. Итак, целый ряд волостей, отторгнутых в конце XV в. от ВКЛ, составил уездную структуру для Медыни, до этого, видимо, обладавшей лишь статусом центра волости. Очевидно, территорию Медыни до конца XV в. можно сопоставить с позднейшим Городским станом, который распространялся только до р. Шани, левого притока р. Угры [39, с. 835, 846].

Другие смоленские волости, в конце XV в. отнесенные к числу боровских и можайских, также исключали проникновение московских владений к р. Угре. Так, с запада медынские земли ограничивались территорией волости Трубна, занимавшей, очевидно, пространство вдоль р. Трубенки (левый приток Шани). Вместе с волостью Ощитов и Дмитровской землей в 1494 г. была упомянута волость Погорелое [38, № 28, с. 152], центр которой можно неуверенно отождествить с современной Погореловкой (д. Погорелка в XVIII в.) [7], находящейся севернее р. Угры недалеко от впадения в последнюю р. Вережки. После заключения мира волость Погорелое оставалась в составе ВКЛ: в ответ на жалобу литовского посла московский боярин Дмитрий Владимирович Ховрин [22, с. 272] заверил, что московским «ураиникам» будет запрещено «вступаться» «въ Ощытовъ и въ Погорелое и въ Дмитровские земли» [38, № 28, с. 152]. В перемирной

грамоте 1503 г. волость Погорелое и еще 27 волостей названы у города Дорогобужа, закрепленного за Москвой [38, № 75, с. 400].

По отношению к вышеперечисленным волостям единственным подтверждением их связи со Смоленском является показание литовских послов, что может не соответствовать действительности. Однако это еще далеко не все данные, свидетельствующие о принадлежности ВКЛ территории с левой стороны р. Угры. Точно известно, что, например, го род Опаков, стоявший на правом берегу Угры (совр. Палатки) [3, с. 255], имел обширные земли и на левом берегу этой реки. Формулировка «Опа ков по Угру» даже вошла в текст московско-литовского договора о веч ном мире 1494 г. [20, № 83, с. 330; 38, № 24, с. 126]. За ВКЛ сохранялся «Опаков по Угру», следовательно, у города была территория и за Угрой, которая теперь отходила к Москве. Опаковым, как и Дмитровцом в свое время (1492 г.), завладел князь Семен Федорович Воротынский. Но от великого князя Ивана III он получил только территорию до р. Угры («го

родъ Опаковъ съ волостьми по Угру») [38, № 24, с. 136], то есть левобережье Угры напротив Опакова было уже до этого твердо закреплено за Москвой. До Воротынского Опаков принадлежал Сапегам. Возвратив городок в 1494 г., один из них — Василий (Васко) Сапежич — жаловался великому князю Александру, что почти все его владения отошли за Угру к великому князю московскому [33, № 55, стб. 565, № 130, стб. 649; 68, № 229, p. 161] и хорошо было бы получить что-нибудь взамен [33, № 130, стб. 650; 1, № 152, с. 59]. Вероятно, большая часть опаковских земель лежала за Угрой.

Также два других города, захваченных князем Воротынским и санкционированных Иваном III, были отданы новому московскому поддан ному с землями только по Угру [38, № 24, с. 136]. Города Бышковичи и Залидов находились уже недалеко от устья р. Угры. При этом Бышко вичи стояли не на Угре, а у ее притока речки Бол. Березуй [3, с. 103, 105; 4, с. 65, 66], Залидов же находился ниже по течению от устья р. Шани [3, с. 103, 105; 6, с. 21]. Это заставляло разместить его земли на левобережье Угры вплотную к р. Шани и ее притоку Суходреву, так что для московских владений оставался совсем узкий выход к р. Угре. Казалось бы, в договоре 1494 г. только Опаков назван по р. Угру. Однако указание в тексте документа: «…і в Залидов, і в Бышковичи, і в Опаковъ по Угру» [20, № 83, с. 330], несомненно, относится ко всем трем городам. Лево бережье р. Угры от Опакова до Залидова в 1494 г. было закреплено за Москвой, а реально присоединено и освоено оно было еще до перехода на московскую службу князя С. Ф. Воротынского (ноябрь — декабрь 1492 г.), так как последний сумел завладеть только территорией право бережья. Волости же с левого берега Угры, очевидно, к тому времени влились в состав Медынского уезда. Именно их и назвали московские бояре в переговорах начала 1494 г.

Наконец, уникальное известие, отраженное в посольских книгах, окончательно заставляет пересмотреть позицию относительно пограничного характера р. Угры. В 1494 г. «боярин твой (Ивана III. — В. Т.), брата нашего, на имя Олферей, волостель Туреский, тыми разы вжо сего году Дмитровское нашое волости засел десять деревень у Радунки; а первосего, вжо после нашего с тобою докончаниа, тоежо волости нашое Дмитровское Скряба Травин засел два села, на имя Луково а Шиб нево; а тивун вежецкий Абрам тоежо Дмитровское волости засел одинатцать деревень» [38, № 56, с. 268]. Три разновременных события (одно до, второе после заключения мира — 5 февраля и третье без уточнения времени) касаются непосредственно Дмитровца и, по сути, своим опии-

санием помогают реконструировать границы его волости. Характерно, что наезд на дмитровские земли в 1494 г. был известен Я. Натансону-Лескому, но польский

исследователь, прочертив линию границы по р. Угре, вынужден был признаться в невозможности локализовать упомянутые объекты [69, s. 85, pr. 179].

Итак, еще в том же году (начинался с 1 сентября 1493 г.) боярин Олферей — «туреский» волостель (волости Турье, к этому времени, видимо, уже отнесенной к Можайску, а до того принадлежавшей князьям Глинским) [38, № 8, с. 36] — «засел» 10 деревень Дмитровской волости у речки Радунки. Нападение, таким образом, шло со стороны левого притока р. Угры Туреи, вокруг которой группировалась волость, на дру гой левый приток Угры — Радунку, известную по карте Генерального межевания как Руденка [9].

Скряба Травин после заключения мира (после 5 февраля) «засел» два дмитровских села — Луково и Шибнево, встречающиеся и на современной карте по разные стороны р. Вори, при впадении в последнюю Истры.

Абрам — тиун вежецкий (волости Вежки, возможно, уже отнесенной к Медыни) — «засел» 11 деревень Дмитровской волости. Время не указано, но, видимо, происходило это событие тогда же, когда и предыдущее. Местонахождение деревень не указано, но волость Вежки определена в районе еще одного притока Угры — Вережки (см. выше).

Таким образом, территория Дмитровской волости в левобережье Угры (о ее протяженности на правом берегу реки ничего не известно) располагалась по обеим сторонам р. Вори и ограничивалась на северо-западе речкой Радункой, на юго-востоке не доходила до речки Вережки, а на севере и северо-востоке вступала в контакт с волостью Турье, а также еще одной известной в этом районе волостью — Ореховной (на р. Истре, притоке Вори) [34, с. 283].

Течение р. Угры вверх от Дмитровца шло на северо-запад, проходи ло мимо Ощитова (совр. Федотково), а потом делало резкий поворот на юго-запад, уходя в глубину земель Великого княжества Литовского. В итоге для московских владений оставался только узкий участок у само го устья р. Угры.

Необходимо заметить, что и после заключения мира 1494 г. Дмитровец сохранил свою территорию на левом берегу Угры. При этом заметно стремление московской администрации соседних волостей отрезать часть дмитровских земель. Дмитровец испытал некоторые потери, однако по-прежнему контролировал часть левобережья Угры. Кроме того,

если считаться с неуверенной локализацией волости Погорелое на левом берегу Угры почти напротив Опакова, то и еще в одном месте граница по р. Угре должна быть нарушена. Таким образом, в 1494 г. московско-литовская граница была установлена по Угре на отрезке ниже Дмитровца до устья реки. Вероятно, именно о ситуации 1494—1503 гг., еще свежей в памяти москвичей, и высказался С. Герберштейн в своих «Записках о Московии».

Возвращаясь к миру 1408 г., необходимо заметить, что он не внес изменений в состояние границы между двумя Великими княжествами — Литовским и Московским. Договор был заключен «по давному», а со гласно предыдущему литовско-московскому соглашению от 4 сентября 1407 г. московская граница сохранялась такой же, какой была при Дмитрии Донском («рубеж отчине моего отца по старине») [61, с. 41]. Следовательно, и в 1408 г. граница оставалась прежней, причем именно для Москвы, ведь до начала XV в. ВКЛ еще не присоединило Смоленск, Вязьму и верховье Оки, и его владения не вошли в соприкосновение с московскими. Основываясь на подробном обзоре владельческой принадлежности земель в районе р. Угры, можно утверждать об отсутствии московско-литовской границы вдоль р. Угры на сколько-нибудь значительном расстоянии. Источники, относящиеся к концу XV в., обнаруживают существенный переход владений ВКЛ на левую сторону р. Угры. И только к ее устью могли подступать московские земли

(в случае, если волость Калуга распространялась дальше на запад от своего средоточия — р. Калужки). Предполагать захват части Великого княжества Московского жителями ВКЛ после 1408 г. нет оснований.

Однако граница по р. Угре в начале XV в. все-таки могла быть обозначена, хоть и условно. Вполне вероятно, что к тому времени в левобережье Угры сохранялись значительные неосвоенные пространства. У смоленских князей, видимо, не было заинтересованности, да и возможности, в освоении и развитии периферийного для них региона. Для ВКЛ же участок заимствованной у Смоленского княжества границы между защищенной лесами и болотами Вяземщиной и пересеченным множеством рек Верхнеокским регионом обнаружил серьезную уязвимость. Благодаря пониманию стратегической важности Поугорья властями ВКЛ был осуществлен ряд мероприятий, направленных на укрепление участка новой государственной границы. Часть городков получила наместников (Дмитровец, Опаков), другая была отдана во владение князей, верных великому князю литовскому (Бышковичи, Залидов, Крайшино). Как одно из проявлений политики ВКЛ — строительство новых

оборонительных сооружений Дмитровца [37, с. 128]. А в общем, повышенное внимание к региону, выразившееся, очевидно, и в выделении значительных средств на его развитие, послужило толчком для хозяйственного освоения пустующего левобережья Угры.

Таким образом, совсем отрицать возможность существования московско-литовской границы по р. Угре не следует. Такая ее конфигурация могла быть зафиксирована в начале XV в. Однако реальностью стало возникновение своеобразной буферной зоны, представлявшей со бой широкую полосу незанятых земель, условно служившей границей. Река Угра создавала одну сторону пограничной полосы, а противоположная ее сторона терялась в лесах у р. Шани и дальше на востоке. Толь ко к самому устью р. Угры в начале XV в. могли подступать московские владения. Через буферную зону свободно проходили войска, двигавшиеся, например, к устью р. Угры или сворачивавшие напрямик к броду у городка Дмитровец, чтобы сократить дорогу к Вязьме. Постепенно площадь незанятых земель постепенно сокращалась за счет их освоения как с литовской, так и, менее деятельно, с московской стороны. К концу XV в. ВКЛ принадлежала большая часть обозначенной территории. А Великое княжество Московское, вероятно, из-за внутренних проблем, резко замедлило свое проникновение на запад в районе западнее р. Шани. Если во второй половине XIV — начале XV в. наблюдалась активная деятельность удельных московских князей по колонизации и освоению региона вокруг р. Протвы и ее притоков, то на протяжении почти всего XV в. упоминания о новых городах, волостях и слободах почти не встречались.

На короткое время (1494—1503 гг.) часть р. Угры действительно стала обозначать границу. Причем Угра стала пограничной не только от Опакова до Залидова в своем нижнем течении, но и в местах выхода к ее берегу Вяземского княжества, которое, как известно, целиком было присоединено к Москве. Былая вяземская волость Турье, располагавшаяся по сторонам р. Туреи, очевидно, имела выход к устью и к р. Угре. Даже часть правого берега р. Угры, где находился Козельск (городище Ивановское) [5, с. 148; 67, р. 45], если считать его принадлежащим князьям Козловским (из Вяземских), возможно, стала относиться к московским владениям. Находящийся ниже по течению от Козельска Ощитов (городище Федотково) [5, с. 153—154; 9] оставался после 1494 г. литовским.

Сложен вопрос о принадлежности волости Великое Поле (ее одноименный центр стоял у левого берега р. Угры) [5, с. 161—162]. Эту во-

лость наряду с другими, названными отчиной вяземских князей, держал князь С. Ф. Воротынский [38, № 24, с. 137]. И всех их «князь великий не отступился, а послы их отступилися», то есть в том числе и Великое Поле было закреплено за Москвой. Тем не менее известно, что этой волостью владел когда-то Ян Гаштольд и относилась она к Дорогобужу [67, p. 46]. Также и в перемирной грамоте 1503 г. среди присоединяемых к Москве была перечислена дорогобужская волость Великое Поле [38, № 75, с. 400]. Таким образом, однозначное решение о принадлежности Великого Поля между 1494—1503 гг. вырабо тать сложно. Как бы то ни было, Угра в межвоенный период в нескольких местах служила границей. Вероятно, об этом времени и писал С. Герберштейн.

Таким образом, совокупность источников, в целом как будто неоспоримо свидетельствующая о пограничном характере р. Угры на протяжении всего XV в., должна быть разбита на отдельные сообщения и подвергнута индивидуальному анализу. По сути, сведения о Поугорье укладываются в три временных среза. Обозначение московско-литовской границы вдоль р. Угры в начале XV в. могло быть связано с различными причинами. Тут возможна и ненадежность источника информации, использованного составителем хроники Быховца, и отголоски действительного желания установить границу по естественному природ ному рубежу в регионе, из-за своей обособленности неподдающемуся точному размежеванию. Данные С. Герберштейна (первая четверть XVI в.) фиксировали ситуацию после московских завоеваний первой пограничной войны 1486—1494 гг. и отражали реальное состояние московско-литовского пограничья. Наконец, пределы административно территориальных единиц конца XVI в. (прежде всего Медынского уезда), частично оправдывающие проведение границы по р. Угре, не могут быть перенесены на более раннее время из-за произошедших существенных изменений.

Итак, р. Угра в качестве линии, разделяющей московские и литовские владения, не состоялась. Однако это совсем не умаляет ее значения в системе обороны восточной границы ВКЛ. Своим течением р. Угра создавала серьезное препятствие на пути вражеских вторжений. Естественным барьером она стала и в знаменитом противостоянии 1480 г., когда, используя ее возможности, Московская Русь окончательно освободилась от ордынского ига.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Литовской метрики: в 1 т., вып. 2 / Собраны Ф. И. Леонтовичем. Варшава : Тип. Варшавского уч. округа, 1896—1897. Т. 1, вып. 1: 1413—1498 гг. 200 с.
2. Акты социальноэкономической истории СевероВосточной Руси конца XIV — начала XVI в.: в 3 т. / отв. ред. Б. Д. Греков. М. : Издво АН СССР, 1952—1964. Т. 1. 1952. 804 с.
3. Археологическая карта России: Калужская область / РАН, Инт археологии; Фе дер. агентство по культуре и кинематографии / под ред. А. В. Кашкина. 2е изд. М. : Инт археологии РАН, 2006. 310 с.
4. Археологическая карта России: Калужская область / РАН, Инт археологии / под ред. Ю. А. Краснова. М. : Издво «Авто», 1992. 159 с.
5. Археологическая карта России : Смоленская область: в 2 ч. / под ред. Ю. А. Крас нова. М. : Инт археологии РАН, 1997. Ч. 2. 1997. 263 с.
6. Военностатистическое обозрение Российской империи: в 17 т. / При 1м отделении департамента Генерального штаба. М. : Тип. департамента Ген. штаба, 1837— 1854. Т. VI, ч. 6: Калужская губерния. 1849. 158 с.

7. Генеральный план Медынского уезда. — Масштаб — в английском дюйме 2 вер
сты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов. СПб., 1782.
8. Геометрический генеральный план Калужского наместничества Медынскому уезду со всеми внутри оного лежащими владельческими землями с показанием в нем каждого селения с отделенными специальными и городскими от других уездов межами, сочинен в орловской межевой конторе в городе Болхове первого класса землемером порутчиком Петром Нееловым генваря дня 1779 году. — Масштаб — в английском дюйме 500 саже
ней. Болхов, 1799.
9. Геометрической план Юхновского целого уезда со всеми внутри оного лежащими грацкими, казенными и владельческими землями с показанием в нем каждого селения с отделением грацкими и специальными от других межами, сочинен в смоленской меже
вой конторе землемером прапорщиком Григорьевым Накоскиным в 1780 году, генваря 10 дня. — В 1 дюйме — 500 сажень. Смоленск, 1780.
10. Герберштейн, С. Записки о Московии: в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2008. Т. I : Латинский и немецкий тексты, русские пе
реводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого — А. В. Назаренко. 776 с.
11. Голубева, Л. А. Раскопки в Верейском кремле / Л. А. Голубева // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л. : Издво АН СССР, 1949. Т. II. № 12: Материа
лы и исследования по археологии Москвы. С. 134—143.
12. Голубовский, П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. / П. В. Голубов
ский. Киев : Тип. унта Св. Владимира, 1895. 334 с.
13. Города Подмосковья : в 3 кн. М. : Моск. рабочий, 1970—1981. Кн. 3. 1981. 735 с.
14. Горский, А. А. Московские «примыслы» конца XIII—XV в. вне СевероВосточной Руси / А. А. Горский // Средневековая Русь / отв. ред. А. А. Горский. М. : Индрик, 2004. Вып. 5. С. 114—190.
15. Горский, А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой / А. А. Горский // Отечественная история. 1996. № 3. С. 74—93.
16. Готье, Ю. В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории эко
номического быта Московской Руси. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 602 с.

17. Грушевський, М. С. Історія УкраїниРуси : в 11 т. (12 кн.) / М. С. Грушевський. Київ : Наук. Думка, 1992—1993. Т. 3. 1993. 592 с.
18. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. М. : Терра, 1995. Т. 2. 780 с.
19. Дебольский, В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как исто
рикогеографический источник: в 2 ч. / В. Н. Дебольский. СПб., 1901—1902. Ч. 2. 1902. 57 с.
20. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л. : Издво АН СССР, 1950. 586 с.
21. Зимин, А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. / А. А. Зимин // Проблемы источниковедения. М. : Издво АН СССР. 1956. Вып. V. С. 300—327.
22. Зимин, А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. / А. А. Зимин. М. : Наука, 1988. 350 с.
23. Зотов, Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время / Р. В. Зотов. СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1892. 327 с.
24. Иловайский, Д. И. История Рязанского княжества / Д. И. Иловайский. М. : Уни
верситетская типография, 1858. 329 с.

25. Каргалов, В. В. «На границах Руси стоять крепко!» Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII—XVIII вв. / В. В. Каргалов. М. : Русская панорама, 1998. 448 с.
26. Каргалов, В. В. Конец ордынского ига / В. В. Каргалов. М. : Наука, 1980. 152 с.
27. Кобрин, В. Б. Власть и собственность в средневековой России / В. Б. Кобрин. М. : Мысль, 1985. 278 с.
28. Кобрин, В. Б. Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI в. и процесс централизации Руси / В. Б. Кобрин // История СССР. 1981. № 4. С. 33—50.
29. Кузьмин, А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI века / А. В. Кузьмин // Н. И. Троицкий и современные исследова ния историкокультурного наследия Центральной России: сб. ст. в 2 т. Т. II: История, этнография, искусствоведение / под ред. А. Н. Наумова. Тула : Гос. музейзаповедник «Куликово поле», 2002. С. 5—29.
30. Кучкин, В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитиче ские договоры / В. А. Кучкин. М. : Древлехранилище, 2003. 367 с.
31. Кучкин, В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского / В. А. Кучкин // Средне вековая Русь / отв. ред. А. А. Горский. М. : Индрик, 2001. Вып. 3. С. 106—183.
32. Кучкин, В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой / В. А. Куч кин // Куликовская битва: сб. ст. М. : Наука, 1980. С. 26—113.
33. Литовская метрика. — Отдел 1, ч. 1: Книги записей. Т. 1 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею : в 39 т. СПб., 1872—1927. Т. XXVII.
1910. 872 стб., 150 с.
34. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление ЛитовскоРусского государства ко времени издания первого литовского статута / М. К. Любавский. М. : Уни верситетская типография, 1892. 884 с.
35. Любавский, М. К. Образование основной государственной территории велико русской народности (заселение и объединение Центра) / М. К. Любавский. Л. : Издво АН СССР, 1929. 195 с.

36. Мазуров, А. Б. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. / А. Б. Мазуров, А. Ю. Никандров. М. : Инлайт, 2008. 276 с.
37. Массалитина, Г. А. Средневековый Дмитровец. К постановке проблемы / Г. А. Массалитина, И. В. Болдин // Позднесредневековый город: археология и история: сб. ст. в 2 ч. / под ред. А. Н. Наумова. Тула : Гос. музейзаповедник «Куликово поле», 2007. Ч. 2: Изучение позднесредневековых городов России. 2007. С. 126—129.
38. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско Литовским. Т. I / под. ред. Г. Ф. Карпова // Сб. Императорского Русского Исторического общества: в 148 т. СПб., 1866—1916. Т. 35. 1882. 869 с., 88 стб.
39. Писцовые книги Московского государства / под ред. Н. В. Калачова. Ч. 1: Пис цовые книги XVI в. Отд. II. СПб. : Издание Русского геогр. обва. Ч. I. 1872. 924 с.
40. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. I: Лаврен тьевская летопись. 2е изд. М. : Языки русской культуры, 2001. 496 с.
41. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. V: Псков ская 2я и Софийская 1я летописи. СПб., 1851. 286 с.
42. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. VII: Лето пись по Воскресенскому списку. М. : Языки русской культуры, 2001. 360 с.
43. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. VIII: Про должение летописи по Воскресенскому списку. М. : Языки русской культуры, 2001. 312 с.
44. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. XI. Лето

писный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М. : Языки рус ской культуры, 2000. 264 с.
45. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. XV. Вып. 1: Рогожский летописец. Тверской сборник. М. : Языки русской культуры, 2000. 504 стб.
46. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. XVII: Западнорусские летописи. М. : Языки славянских культур, 2008. 386 с.
47. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. XX: Львов ская летопись. М. : Языки славянских культур, 2005. 704 с.
48. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. XXV: Мос ковский летописный свод конца XV века. М. : Языки славянских культур, 2004. 488 с.
49. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. XXVI: Вологодскопермская летопись. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.
50. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб.; М.; Л., 1841—2008. Т. XXVII: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М. : Языки славянских культур, 2007. 436 с.
51. Приселков, М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста) / М. Д. Приселков. 2е изд. СПб. : Наука, 2002. 514 с.
52. Раппопорт, П. А. Очерки по истории военного зодчества СевероВосточной и СевероЗападной Руси X—XV вв. / П. А. Раппопорт // Материалы и исследования по ар хеологии СССР. № 105. М.; Л. : Издво АН СССР, 1961. 248 с.
53. Темушев, В. Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. / В. Н. Темушев // Куликовская битва в истории России: сб. ст. / под ред. А. Н. Наумова. Тула : ГУП — Издво «Левша», 2006. С. 82—109.
54. Темушев, В. Н. Определение места Тростненской битвы 1368 г. / В. Н. Темушев // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3: К 65летию со дня рождения Б. А. Фоло меева и 25летию со дня начала археологогеографических работ на Куликовом поле (1982—2007). Тула : Гос. музейзаповедник «Куликово поле», 2008. С. 250—255.

55. Темушев, В. Н. Приобретения московских князей в середине XIV в. «Иная места Рязаньская» / В. Н. Темушев // Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизаций и культур (история, уроки, опыт, современ ность): материалы Междунар. науч.теор. конф., Витебск, 31 октября — 1 ноября 2002 г.: в 2 ч. Витебск, 2002. Ч. 1. 2002. С. 18—21.
56. Темушев, В. Н. Река Угра — вековой страж московсколитовской границы / В. Н. Темушев // Новая локальная история. Вып. 2 : Новая локальная история : погранич ные реки и культура берегов : материалы 2й Междунар. интернетконф., Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь : Издво СГУ, 2004. С. 305—318.
57. Тихомиров, М. Н. Древняя Москва. XII—XV вв.; Средневековая Россия на между народных путях. XIV—XV вв. / М. Н. Тихомиров. М. : Моск. рабочий, 1992. 318 с.
58. Фетищев, С. А. К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козель ска к Московскому княжеству в 90е гг. XIV в. / С. А. Фетищев // Российское государство в XIV—XVII вв. : сб. ст. СПб., 2002. С. 31—39.
59. Фетищев, С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389—1395 гг. / С. А. Фе тищев. М. : Древлехранилище, 2003. 221 с.
60. Флоря, Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. / Б. Н. Флоря // Проблемы исторической географии России. Вып. 1 : Формирование государственной территории России: материалы 2й Всесоюз. конф. по исторической географии России, Москва, 25—26 ноября 1980 г. / под общ. ред. Я. Е. Водарского. М., 1982. С. 58—80.
61. Хорошкевич, А. Л. Документы начала XV в. о русскolитовских отношениях /

А. Л. Хорошкевич // Культурные связи России и Польши XI—XX вв.: сб. ст. М. : УРСС, 1998. С. 39—57.
62. Цветков, М. А. Изменение лесистости европейской России с конца XVII столетия по 1917 г. / М. А. Цветков. М. : Издво АН СССР, 1957. 213 с.
63. Цемушаў, В. М. Тросненская бітва і паўднёвазаходняя мяжа Вялікага княства Маскоўскага ў 1368 г. / В. М. Цемушаў // Беларускі гістарычны агляд. 2006. Т. 13, сшытак 2
(25). С. 135—176.
64. Шеков, А. В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.) / А. В. Шеков // Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 1. Тула, 1993. 96 с.
65. Юшко, А. А. Московская земля IX—XIV веков / А. А. Юшко. М. : Наука, 1991. 200 с.
66. Kuczyński, S. M. Ziemie czernihowskosiewierskie pod rzdami Litwy / S. M. Kuczyński // Prace Ukraińskiego institutu naukowego. T. 33. Warszawa, 1936. 412 s.
67. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. Kn. 3 (1440—1498) / Parengл L. Anuюutл ir A. Baliulis. V. : Ћara, 1998. 163 p.
68. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. Kn. 6 (1494—1506) / Parengë A. Baliulis. V. : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. 516 p.
69. NatansonLeski, J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellonskiej. Lwów; Warszawa : Ksiżnica polska towarzystwa nauczycieli
szkół wyższych, 1922. 196 s.